

ВАСИЛИЙ ВИТАЛЬЕВИЧ ПТУШЕНКО

кандидат физико-математических наук,
старший научный сотрудник Научно-исследовательского института
физико-химической биологии имени А.Н. Белозерского
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
научный сотрудник Института биохимической физики
имени Н.М. Эмануэля Российской академии наук,
Москва, Россия;
e-mail: ptush@belozersky.msu.ru

Непокорная Академия наук на выборах 1966 года

УДК: 001.32

DOI: 10.24412/2079-0910-2023-4-30-48

Демократичность организации Академии наук СССР, как и многих других социально-общественных институтов в СССР, была в значительной степени формальной. За исключением нескольких знаменитых случаев непокорного поведения, когда Общее собрание Академии отказывалось принять требуемое партийно-государственной властью решение, ее действия в основном совпадали со спущенными сверху рекомендациями. Для обеспечения этого существовал специальный механизм работы органов партийной власти с Академией. Среди наиболее заметных случаев непокорности Академии, имевших место в 1929, 1964, 1966 гг., а также в годы новейшей истории, наименее известны события 1966 г., связанные с неизбранием в члены-корреспонденты АН СССР тогдашнего заведующего Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС С.П. Трапезникова, фактически — непосредственного куратора АН СССР со стороны партийной власти. Однако эти события, вошедшие в научный фольклор в виде отдельных крылатых фраз, недостаточно описаны в научно-исторической литературе и в действительности довольно плохо известны научному сообществу, в отличие, например, от случая с неизбранием лысенковца С.И. Нужи́дина в 1964 г. или А.М. Деборина, Н.М. Лукина и В.М. Фриче в 1929 г. Так, кроме историка С.П. Трапезникова, не были избраны еще трое кандидатов в академики, принадлежащих к партийной элите: юрист В.М. Чхиквадзе, философ М.Т. Иовчук и экономист Г.М. Сорокин. Стремление Президента АН СССР М.В. Келдыша спасти ситуацию, убедить участников Общего собрания провести обсуждение проваленных кандидатур и повторить голосование привело к бурной дискуссии, в ходе которой со стороны «академической оппозиции» выступили М.А. Леонтович, И.Е. Тамм, В.А. Трапезников и В.А. Энгельгардт, а также — хотя и в очень дипломатичной форме — Л.А. Арцимович. В настоящей статье описан ход дискуссий и приведены основные аргументы, которые использовали выступающие за или против отвергнутых кандидатов. Также рассказано о роли философа Ю.Н. Семёнова, который непублично обратил внимание академического сообщества на ненормальность избрания предложенных Академии партийными властями кандидатур и, по сути, предоставил академическому электорату независимую экспертизу их работ.

Ключевые слова: АН СССР, Ю.Н. Семёнов, М.А. Леонтович, И.Е. Тамм, В.А. Трапезников, Л.А. Арцимович.

Благодарности

Автор благодарен А.Ю. Семёнову за сведения о Ю.Н. Семёнове и его роли в описываемых событиях, а также А.М. Леонтовичу за ценные штрихи и А.В. Васильеву, Д.А. Новикову, В.М. Березанской, Н.Е. и М.В. Таммам за предоставленные фотографии.

Об Академии наук СССР часто говорят как об одном из немногих демократических институтов в СССР, что проявлялось, например, в выборах новых членов и руководства Академии общим тайным голосованием. Однако формально демократическими были также большинство других институтов и процедур в СССР, начиная с выборов в высший законодательный орган страны, Верховный Совет, выдвижение кандидатов в который совершалось общественными организациями на открытых собраниях, а выборы — всеобщим прямым равным и тайным голосованием. Так что в этом отношении Академия не представляла собой какого-то исключения. Что же касается фактического положения дел, то оно также отнюдь не было таким идеальным. Процедуре избрания в отделениях АН СССР предшествовало обсуждение кандидатов на закрытом заседании партийной группы, для которой вышестоящей организацией был один из отделов аппарата ЦК (в рассматриваемый период, с мая 1965 г., этот отдел назывался Отделом науки и учебных заведений¹) Центрального комитета (ЦК) КПСС. Отдел науки согласовывал свои решения с ЦК, а их, в свою очередь, партийные академики должны были провести в жизнь. Несмотря на процедуру тайного голосования, на протяжении семи десятилетий существования Академии при советской власти ее решения довольно редко расходились с рекомендациями ЦК, причем это воспринималось как нечто вполне естественное. Так, С.И. Вавилов на следующий день после своего избрания на должность Президента АН СССР (состоявшегося уже через два с половиной дня после того, как В.М. Молотов и Г.М. Маленков вызвали Вавилова в Кремль и огласили предложение занять эту должность) с горькой иронией записал в своем дневнике: «Вчера выбрали. 92 голоса из 94. Что на самом деле думали про себя эти академики и настоящие, и липовые — конечно уже растаяло в вечности» [Вавилов, 2012, с. 252]. Как прокомментировал это И.М. Франк, постоянно общавшийся с С.И. Вавиловым, в том числе и в эти дни: «Было понятно также, что выборы президента — это только формальность. Его просто назначал Сталин» [Франк, 1991, с. 44].

Тем не менее известен целый ряд случаев свободного волеизъявления АН СССР, большинство из которых, впрочем, имело для нее тяжелые последствия. Речь идет, разумеется, не о малозначимых или не интересовавших власть решениях, но о тех решениях, которые противоречили пожеланиям партийной власти. Так, в 1929 г. на Общем собрании АН СССР не были выбраны три кандидата — члена ВКП(б): А.М. Деборин, Н.М. Лукин и В.М. Фриче [Перчёнок, 1991]. Как следствие, в со-

¹ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5: Аппарат ЦК КПСС (1949–1991 гг.), Историческая справка к фонду.

ветской печати началась кампания, обличающая «буржуазный выпад» академии против советской власти, Академия, проведя повторное голосование, избрала этих кандидатов, что, однако, не оправдало ее в глазах власти, организовавшей «Академическое дело», в ходе которого были арестованы более сотни человек — членов Академии и связанных с ними людей [Цамутали, 1999]. В результате этого дела, по словам председателя Комиссии по контролю за повседневной деятельностью Академии наук в 1925–1927 гг. А.С. Енукидзе: «Мы своего достигли, господа академики поняли, что с ними не шутят. Теперь понемногу их выпустим, но больше антисоветчины они не разведут!» [Ростов, 1981, цит. по: Перчёнок, 1991].

Другой известный пример относится к 1964 г., когда Общее собрание АН СССР отвергло кандидатуру С.И. Нуждина («правая рука» Т.Д. Лысенко в этот период), перед этим утвержденную в ЦК КПСС. Хотя времена, по выражению Анны Ахматовой, были «вегетарианские», такое поведение Академии было расценено первым секретарем ЦК Н.С. Хрущёвым как попытка лезть не в свое дело и заниматься политикой и поставило вопрос о самом существовании Академии наук в СССР [Афиани, Илизаров, 1999]. Надо признать, что подобная смелость была проявлена Академией не в первый и не в последний раз, но это был один из редчайших случаев, когда ей чудом удалось избежать разрушительных последствий (только благодаря тому, что Н.С. Хрущёв был снят со своего поста той же осенью).

Еще одним из наиболее известных случаев было неизбрание в члены-корреспонденты АН СССР заведующего Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС С.П. Трапезникова. Этот случай, однако, недостаточно и неполно описан в научно-исторической литературе (из существующих публикаций см., например: [Кривоносов, 2004]). Практически ничего не известно о ходе дискуссий, разгоревшихся в результате провала на выборах С.П. Трапезникова и нескольких других кандидатур; при этом даже в немногих существующих публикациях не упоминаются все забаллотированные академиками кандидатуры. В действительности на Общем собрании АН СССР тайным голосованием были отвергнуты сразу четыре кандидатуры, уже прошедшие процедуру выборов в своих отделениях: доктор юридических наук, член-корреспондент АН СССР, директор Института государства и права АН СССР Виктор Михайлович Чхиквадзе (1912–2006); доктор философских наук, член-корреспондент АН СССР Михаил Трифонович Иовчук (1908–1990), ставший чуть позже (с 1970 г.) ректором Академии общественных наук при ЦК КПСС; доктор экономических наук, член-корреспондент АН СССР, директор Института экономики мировой социалистической системы АН СССР Геннадий Михайлович Сорокин (1910–1990) и уже упоминавшийся выше доктор исторических наук, заведующий Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС Сергей Павлович Трапезников (1912–1984). Первые трое на выборах 1966 г. баллотировались в действительные члены АН СССР, последний — в члены-корреспонденты. Все четверо были достаточно заметными политическими и партийными деятелями. Так, М.Т. Иовчук до Великой Отечественной войны (ВОВ) работал в Исполкоме Коминтерна, в годы войны и позже — в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), затем секретарем ЦК КП Белоруссии по пропаганде и агитации. В.М. Чхиквадзе в годы ВОВ был помощником военного прокурора Северо-Западного фронта, в послевоенные годы какое-то время был секретарем ЦК КП Грузии, советским представителем во Всемирном совете мира, директором Международного института мира в Вене, членом коллегии Министерства юстиции СССР. В 1949 г. В.М. Чхиквадзе одним

из первых советских юристов включился в борьбу с космополитизмом [Тилле, 2005, с. 25–26], объявив носителями идеологии космополитизма своих коллег Г.С. Гурвича, И.Д. Левина, М.С. Строговича и А.К. Стальгевича [Чхиквадзе, 1949]. Позже, в новые времена, он, однако, возлагал всю ответственность за порочность советской юриспруденции на А.Я. Вышинского [Счиквадзе, 1989, цит. по: Тилле, 2005, с. 25–26]. Г.М. Сорокин в течение многих лет был заместителем Председателя Госплана СССР. С.П. Трапезников еще с 1929 г. был на комсомольской и партийной работе, в послевоенные годы — директор Республиканской партийной школы при ЦК КП Молдавии, главный редактор журнала «Коммунист Молдавии», проректор Высшей партийной школы при ЦК КПСС. Современники считали его неосталинистом (например: [Сахаров, 1968; Медведев, 2002]), очистившим Отдел науки ЦК от «либералов» [Mitrohin, 2013] и стремившимся восстановить «порядок до XX съезда партии» [Курносков, 2006]. Именно С.П. Трапезников был введен для усиления ортодоксальных позиций в состав редакционной комиссии второй книги V тома Истории КПСС, посвященной послевоенному периоду, авторский коллектив которой был разгромлен в 1973 г. за «гнилой либерализм и критику послевоенного сталинизма» [Палабугин, 2019].

На сессии Общего собрания АН СССР 1 июля 1966 г. эти кандидаты, избранные Отделениями философии и права, экономики и истории, не набрали необходимого количества голосов (2/3 от списочного состава действительных членов Академии). Разразился скандал, начавшийся с возмущенных выступлений представителей этих отделений. Разумеется, в рамках академического собрания не могли открыто прозвучать аргументы о необходимости избрания кандидатов в силу их причастности к государственно-партийной власти; хотя, например, в случае с С.П. Трапезниковым, который фактически был непосредственным куратором Академии по партийной линии и от которого зависели кадровые и многие другие вопросы жизни Академии, этот аргумент был совершенно очевиден. Поэтому одним из главных обвинений со стороны «общественников», прозвучавших с трибуны, было обвинение членов Академии в дискриминации по дисциплинарному признаку: представители естественных наук, которых в составе АН СССР было большинство, посчитали себя специалистами в общественных науках и пренебрегли мнением общественно-научных отделений, выдвинувших этих кандидатов. Разумеется, их возмущение поддержал Президент АН СССР М.В. Келдыш, который в этой ситуации оказывался главным виновным в отказе Академии проводить партийную линию².

² Обсуждаемые заседания Общего собрания АН СССР очень ярко выявили ситуативность принципов, декларируемых руководством Академии. Так, на заседании 2 июля 1966 г. М.В. Келдыш мотивировал свою поддержку проваленных кандидатов принципиальными соображениями о выборах в Академию: «Мы должны, мне кажется, в глубокой степени доверять отделениям. Это должно быть правилом» [Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 2. Оп. 4а. Д. 117. Л. 143–144]. Однако всего за полгода до этого, на предыдущем Общем собрании АН СССР, он формулировал принципы выборов в Академию прямо противоположным образом: «...должно выбирать Общее собрание, и оно выбирает! Мы же сделали Общее собрание фактически штампующим органом» [Там же, Л. 213].

Рис. 1. И.Е. Тамм (крайний слева), Н.Н. Семёнов (5-й слева), М.В. Келдыш (в центре), Л.А. Арцимович (крайний справа) на мероприятии в АН СССР, 1960-е гг.

Источник: Березанская и др. (2020), с любезного разрешения Н.Е. и М.В. Таммов

Fig. 1. I.E. Tamm (first left), N.N. Semenov (5th left), M.V. Keldysh (in center), L.A. Artsimovich (first right) at an event in the Academy of Sciences of the USSR, 1960s.

Source: Berezanskaya et al. (2020), courtesy to N.E. and M.V. Tamms

Однако формально все происшедшее полностью соответствовало уставу Академии. В ответ на гневную речь Президента даже прозвучал из зала ехидный вопрос академика М.А. Леонтовича: «У меня вопрос — считаете ли Вы, что каждый случай, когда кто-либо не избран на Общем собрании, является инцидентом, по поводу которого надо принимать особые меры?»³ Поэтому единственное обвинение, которое М.В. Келдыш высказал в адрес академического электората, заключалось в том, что не было обсуждения кандидатур, а была «молчаливая акция», которая «не содействует развитию принципов ленинской демократии»⁴. Эту мысль, видимо, рассматривая ее в качестве наиболее весомого аргумента, Президент повторил несколько раз: «Мы все, во всяком случае большинство, очень заботились о том курсе развития норм ленинской демократии, которую ведет наша партия. И разве сейчас такая обстановка, когда нельзя высказать откровенно свое мнение?! <...> А разве мы содействуем развитию Ленинской демократии, о которой мы говорим, не выступив и не сказав откровенно, почему мы забаллотировали этих товарищей. Нужно было бы высказаться по кандидатам. Не такое учреждение Академия наук, где нельзя высказываться откровенно»⁵. Эта мысль эхом отозвалась в выступлении академика Л.А. Арцимовича, приобретя ироничный оттенок и став крылатой фразой в научном фольклоре последующих десятилетий: «У нас имеется тайное голосование. К сожалению, не было видимо гражданского мужества у товарищей, которые хорошо знают Иовчука и не сочли возможным за него голосовать, прямо открыто об этом сказать. Но это вопрос другой. Тайное голосование потому называется тайным

³ АРАН. Ф. 2. Оп. 4а. Д. 119. Л. 70.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

голосованием, что оно дает право высказывать свое мнение лицам, не имеющим гражданского мужества»⁶.

Необходимость спасти Академию от самоубийственного, как казалось, решения — избрания крупных партийных деятелей, — очевидно, толкала руководство АН на не предусмотренный Уставом шаг — проведение переголосования. Однако это было необходимо сделать, «сохранив лицо». Отсутствие обсуждения кандидатур в рамках Общего собрания выглядело достаточным аргументом. В итоге было принято соломоново решение — все же утвердить протокол выборов и тем самым признать избрание тех кандидатов, которые набрали необходимое число голосов, но тем не менее провести обсуждение четырех отвергнутых Общим собранием кандидатур, в ходе которого «естественники» должны были объяснить «общественникам», почему они не поддерживают их кандидатов. Все это, по словам Президента, было призвано лишь содействовать «прогрессу этих Отделений, улучшению их работы»⁷. Обсуждение было назначено на следующий день, субботу, 2 июля 1966 г.

Однако требование открытого обсуждения со стороны «общественных» отделений и руководства Академии оказалось, скорее, призывом бури на свои головы. В результате М.В. Келдыш, накануне требовавший от членов Академии открытых высказываний о выносимых на голосование кандидатурах, вынужден был сделать практически противоположное заявление: «К чему придем мы, если каждый, узнав о ком-то что-то, будет говорить об этом на Общем собрании?»

В ходе обсуждения выступили как те, кто поддерживал отвергнутые накануне кандидатуры, так и критики. Среди первых — директор Института истории материальной культуры (археологии) АН СССР академик Б.А. Рыбаков; экономист и статистик академик С.Г. Струмилин; экономист, в прошлом директор Института экономики АН СССР и вице-президент АН СССР академик К.В. Островитянов, историк академик И.И. Минц⁸; историк академик В.М. Хвостов, который через год стал первым президентом АПН СССР; директор Института философии АН СССР академик Ф.В. Константинов, который через год стал академиком-секретарем Отделения философии и права АН СССР; члены-корреспонденты правовед М.С. Строгович, историк М.П. Ким, философ М.А. Дынник. В своих выступлениях они говорили главным образом о важном значении работ обсуждаемых кандидатов, а также высказывали неудовлетворение отсутствием обсуждения накануне, некомпетентностью их оппонентов в вопросах экономики, философии и истории, сетовали на недоверие к отделениям, представляющим эти науки. В связи с этим Б.А. Рыбаков, приводя многие примеры из истории науки (в частности, упомянув Н.И. Вавилова и А. Эйнштейна), говорил о неразрывности естественно-научных и гуманитарных наук и призывал их представителей в стенах Академии сотрудничать друг с другом⁹. Академик С.Г. Струмилин, один из старейших членов Академии (избранный в АН СССР еще в 1931 г.; на момент описываемого собрания ему шел 90-й (!) год), был, по его словам, более всего «взволнован нарушением наших добрых традиций» доверия Общего собрания экспертной комиссии из специалистов той науки, которую представляют кандидаты. «У нас всего-навсего имеется акаде-

⁶ Там же. Л. 72.

⁷ Там же. Л. 66.

⁸ Не путать с радиофизиком академиком А.Л. Минцем.

⁹ АРАН. Ф. 2. Оп. 4а. Д. 119. Л. 84–87.

миков-философов штук 5–6; экономистов осталось еще меньше. И вот оказывается, что вне этих секций очень большое количество других; оказались специалистами вне секции экономистов 50 с лишним человек, а философов оказалось вне секции 126 философов, которые считают возможным и целесообразным поставить свое вето по выборам академиков на нашем Общем собрании»¹⁰. Об этом же говорил и академик К.В. Островитянов, заметивший, что «провалили только представителей общественных наук»¹¹. Так или иначе, многие выступавшие за непризнание результатов прошедшего голосования пытались подчеркнуть, что эти результаты являются свидетельством недружелюбного отношения со стороны представителей естественных наук к гуманитарным наукам.

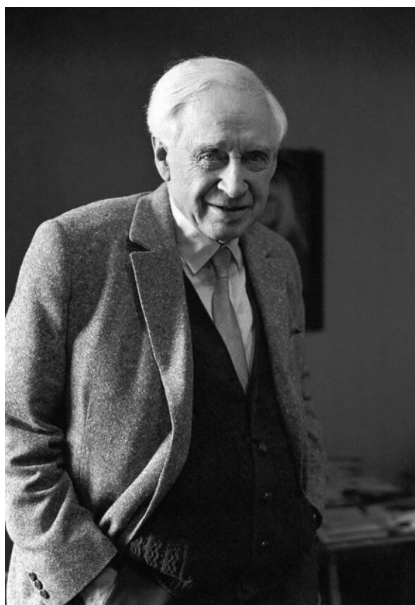

Рис. 2. В.А. Энгельгардт. *Источник:* Коллекция Института биологии развития им. Н.К. Кольцова РАН, с любезного разрешения А.В. Васильева

Fig. 2. V.A. Engelhardt. *Source:* Collection of Koltzov Institute of Developmental Biology of the Russian Academy of Sciences, courtesy to A.V. Vasiliev

На эти обвинения замечательно ответил биохимик академик В.А. Энгельгардт, предложив подсчитать, за какое количество кандидатов — представителей гуманитарных наук в действительности проголосовали члены естественных отделений хотя бы на одном только текущем Общем собрании¹². Очевидно, что отвергнутые накануне кандидатуры составляли лишь редчайшее исключение, которое никак не может говорить о каком-либо недружелюбном междисциплинарном отношении. В.А. Энгельгардт также сформулировал четкие, убедительные и при этом яркие и эмоциональные ответы на другие обвинения.

¹⁰ Там же. Л. 91.

¹¹ Там же. Л. 99.

¹² Там же. Л. 129.

«Следовательно, во всех этих случаях голосующий против избрания должен был <...> выступить и объяснить — почему он голосует против. Но, очевидно, это потребовало бы длительности заседания примерно дней десять! — отвечал В.А. Энгельгардт на прозвучавшее требование высказываться по отвергаемым кандидатурам. — Когда мы голосуем и голосуем против, мы ведь не знаем, сколько других будет голосовать так же. В тех случаях, когда 20–30 человек голосовали против, никто не выставлял требования, чтобы голосующие против выступали с обоснованием своего голосования. Но спрашивается, как я могу, голосуя против, знать заранее — какое число голосующих будет голосовать в таком же смысле? И как установить ту критическую величину, при которой количество отрицательных голосов требует высказывания своего суждения?»¹³

Еще более резко прозвучала его оценка того, что «общественники» и руководство Академии усмотрели в результатах голосования «сговор»: «Я хотел бы спросить — почему с нас не требуют выражения нашего отношения при положительном голосовании? И почему, когда мы практически единогласно проголосовали за Басова и Прохорова, тут не усматривают сговора?»¹⁴

Все эти простые слова, вероятно, звучали совершенно обличительно в сложившейся ситуации, ярко показывая, что все аргументы академического начальства и защитников партийных ставленников могут происходить только из полного пренебрежения действительной волей членов Академии и из взгляда на академические выборы лишь как на инструмент легализации решений партийного начальства. Во всяком случае, выступление В.А. Энгельгардта вызвало аплодисменты участников Общего собрания.

Рис. 3. И.Е. Тамм (1-й ряд, в центре) и М.А. Леонтович (1-й ряд, крайний справа) в Московском университете в 1930-е гг.

Источник: Березанская и др. (2020), с любезного разрешения Н.Е. и М.В. Таммов
Fig. 3. I.E. Tamm (sitting, in center) and M.A. Leontovich (sitting, first right) in Moscow University, 1930s. Source: Berezanskaya et al. (2020), courtesy to N.E. and M.V. Tamms

¹³ Там же. Л. 130.

¹⁴ Там же. Л. 130–131.

Кроме В.А. Энгельгардта с критикой выступили физики академики М.А. Леонтович и И.Е. Тамм, а также однофамилец одного из обсуждаемых кандидатов — академик В.А. Трапезников, директор Института автоматки и телемеханики АН СССР (ныне — Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова Российской академии наук). М.А. Леонтович высказал мысль, звучащую удивительно смело даже для этого собрания: «...я думаю, что мы должны вообще и в особенности сейчас быть уверенными в том, что в гуманитарных науках, так же как и естествознании, у нас высокие, настоящие науки, науки достаточно точные, науки объективные, безжалостно объективные... Показатель — вчерашнее голосование, что у нас на гуманитарных отделениях дело неблагополучно в этой области»¹⁵. Более того, имея в виду, очевидно, С.П. Трапезникова, единственного историка из обсуждаемых четырех кандидатов (его докторская диссертация была посвящена коллективизации), М.А. Леонтович позволил себе еще более откровенное высказывание: «Ясно, что не все науки, которые идут сейчас как гуманитарные, могут удовлетворить этим условиям. История достаточно близкого к нам времени вряд ли может быть построена по понятным причинам так же, как может быть построена всякая наука». По газетной терминологии тех лет, академик «замахнулся на святое». По счастью, все его оппоненты предпочли не заметить политический смысл его рассуждений и интерпретировали их в своих выступлениях лишь как выражение междисциплинарного антагонизма.

Яркой была и речь И.Е. Тамма¹⁶. Кроме таких же простых и убедительных слов в обоснование отсутствия выступлений накануне против четырех кандидатур, он кратко охарактеризовал трех из рассматриваемых кандидатов. Причем если в отношении С.П. Трапезникова он высказался лишь о малости его научных заслуг, если только к ним не относить руководство Отделом науки ЦК КПСС, то про остальных сообщил собранию менее известные большинству его коллег новости. Так, говоря об М.Т. Иовчуке, И.Е. Тамм рассказал о скандальной истории его докторской диссертации, ставшей даже достоянием печати [*О принципиальности...*, 1956]. Именно это сообщение вызвало особенное недовольство М.В. Келдыша и его уже процитированную выше реплику о нежелательности обсуждать такие вещи на Общем собрании. По поводу юридических трудов В.М. Чхиквадзе, И.Е. Тамм напомнил собравшимся о его одиозных идеях конца 1940-х гг. о введении особого уголовного права для военнослужащих.

В.А. Трапезников отверг обвинения членов Академии в некомпетентности. «Не совсем мы такие серые, чтобы не иметь суждения... Я согласен с академиком Рыбаковым, что гуманитарные науки имеют значение во всех науках... Поэтому естественно, что все мы следили — как выступают лица гуманитарного направления. Если мы не обсуждали их вчера, то читали многие статьи ученых в печати, следили за их выступлениями на целом ряде конференций, сравнивали их точки зрения, могли о них судить»¹⁷. Не называя имен, он сформулировал и причины своего недоверия к отвергнутым кандидатам: «Бывает так: <...> отдельно взятые слова и абзацы совершенно правильны и ошибок не содержат, но когда вы смотрите на статью в целом, то видите, что там и мыслей нет... Я лично считаю так: пусть чело-

¹⁵ Там же. Л. 89–90.

¹⁶ Там же. Л. 110–113.

¹⁷ Там же. Л. 114.

*Рис. 4. В.А. Трапезников. Источник: Институт... (2019).
С любезного разрешения Д.А. Новикова*

Fig. 4. V.A. Trapeznikov. Source: Институт... (2019), courtesy to D.A. Novikov

век имеет ошибки, но имеет и мысли. Это лучше, чем если он не имеет ни того, ни другого»¹⁸. Приблизительно в этом ключе он далее кратко проанализировал работы Г.М. Сорокина, упомянув также, что тот «не очень склонен к новым идеям, <...> в том числе он не склонен к применению математико-экономических методов к развиту экономики»¹⁹.

Заметим, наконец, что обвинение Общего собрания в недружелюбном отношении к гуманитарным отделениям было, очевидно, несправедливо: отвергнутый Общим собранием С.П. Трапезников был лишь одним из пяти кандидатов в члены-корреспонденты от своего отделения, и все остальные четыре кандидата, выбранные внутри Отделения истории, были Общим собранием избраны в состав Академии наук. Вместе с М.Т. Иовчуком и В.М. Чхиквадзе от Отделения философии и права шел Б.М. Кедров, который также получил одобрение Общего собрания, а от Отделения экономики прошли А.М. Румянцев и Т.С. Хачатуров, выдвинутые Отделением вместе с Г.М. Сорокиным²⁰. Так что было очевидно, что отнюдь не «междисциплинарные распри» и недоверие «естественников» к «общественникам» было причиной конфликта, а недоверие именно к конкретным кандидатам.

Несмотря на выступления влиятельных экономистов, историков и философов в поддержку рассматривавшихся кандидатур, создается впечатление, что это обсуждение, скорее, могло лишь укрепить членов Академии в уже сложившихся у них негативных представлениях о кандидатах. Тем не менее, по предложению академиков М.Б. Митина, М.А. Лаврентьева и М.В. Келдыша, Общее собрание приняло решение провести переголосование — впрочем, за одним исключением. Академик

¹⁸ Там же. Л. 114–115.

¹⁹ Там же. Л. 116.

²⁰ АРАН. Ф. 2. Оп. 7. Д. 155. Л. 48, 62.

Л.А. Арцимович, анализируя процедурную сторону переголосования и рассматривая его как вероятный прецедент, который в будущем может войти в практику, категорически возразил против включения в список для повторного голосования М.Т. Иовчука как не набравшего даже половины требуемого минимума голосов. Он сформулировал это с присущим ему юмором: «Мне кажется, что переголосовывать вопрос о т. Иовчуке — это высечь самих себя»²¹. Позже он разъяснил этот вопрос подробнее: «Сегодняшнее наше переголосование является основой для того, чтобы ввести соответствующий пункт в Положение о выборах. Поэтому надо отнестись серьезно к тому, какими формальностями это должно быть обставлено. Для меня очевидно одно: не могут переголосовываться те кандидаты, которые на Общем собрании получили меньше половины требуемого минимума, в противном случае это было бы явно антидемократическим поступком. Мы на собрании Отделений этого не делаем. На Общем собрании Академии мы тоже этого делать не можем... Иначе это будет нажим незначительного меньшинства на волю большинства»²².

По-видимому, все это обсуждение, вызванное стремлением руководства Академии и отделений общественных наук провести номенклатурных кандидатов в члены АН СССР вопреки результатам голосования, имело ровно противоположное действие. Результаты повторного голосования, проведенного 2 июля, в основном оказались еще более «протестными», чем были накануне. Если в первом «туре» выборов Чхиквадзе и Сорокину не хватило буквально нескольких голосов, чтобы преодолеть барьер (они получили по 105 и 104 за и 51 и 52 голоса против, соответственно, в то время как необходимые для избрания 2/3 составляли 107), то во втором туре они получили значительно меньшее число голосов, не оставлявшее даже шансов для продолжения обсуждения: при необходимых для избрания 104 голосах за Чхиквадзе получил лишь 64 (при 67 против), а Сорокин — 40 (при 91 против). Несколько иная ситуация была у С.П. Трапезникова: если первоначально он получил 88 голосов за и 68 против» (т. е. имел достаточно сильный недобор голосов), то после обсуждения 2 июля его результаты несколько улучшились: 94 голоса за и 37 против²³. Сложно сказать, насколько существенным было это изменение и с чем оно было связано, поскольку на сессии Общего собрания в этот день присутствовали не все голосовавшие накануне. Из 25 отсутствовавших на второй сессии²⁴ 24 были представителями естественно-научных и математического отделений, многие из которых были известны своим независимым поведением. Возможно также, что в некотором увеличении количества голосов, поданных за Трапезникова, сказались непубличные переговоры руководства Академии с академиками или же просто благоразумие последних, понимавших, что взаимодействие Академии со своим партийным начальством — отделом науки ЦК — может сильно осложниться, если заведующий отделом науки будет «завален» академиками на выборах. Однако даже эти небольшие «положительные» вариации не изменили ситуацию в целом: ни один из кандидатов не был избран. Академия решительно проявляла непокорность. Можно только предполагать, почему ей это не было поставлено в вину, как во всех осталь-

²¹ АРАН. Ф. 2. Оп. 4а. Д. 119. Л. 72.

²² Там же. Л. 141.

²³ АРАН. Ф. 2. Оп. 7. Д. 155. Л. 43, 48, 56, 62, 75–80.

²⁴ Там же. Л. 32–38.

ных известных случаях. Возможно, сыграло свою роль время — краткий период новой, послехрущевской оттепели между 1964 и 1968 гг.

Стенограммы сессии Общего собрания АН СССР 1–2 июля 1966 г., на которой разразился этот скандал, отражают ход дискуссий, показывают наиболее активных участников возникшего противостояния с той и с другой стороны и позволяют увидеть их основные аргументы в споре. Однако за пределами картины, передаваемой стенографическими данными, остался еще один важный участник этих событий, философ Юрий Николаевич Семёнов (1925–1995). Здесь мы приведем основные биографические сведения об этом ученом и сведения о его роли в описанных выше дискуссиях. Последние главным образом основаны на воспоминаниях его сына, А.Ю. Семёнова.

Рис. 5. Ю.Н. Семёнов с отцом, Н.Н. Семёновым, вторая половина 1960-х гг.

Источник: личный архив А.Ю. Семёнова

Fig. 5. Yu.N. Semenov with his father N.N. Semenov; the mid- or late 1960s.

Source: the personal archive of A.Yu. Semenov

Ю.Н. Семёнов, сын физико-химика Н.Н. Семёнова, родился в Ленинграде, где тогда работал его отец в Государственном физико-техническом рентгенологическом институте (ГФТРИ), организованном А.Ф. Иоффе. С началом ВОВ он вместе с семьей был эвакуирован в Казань, а после 1943 г. реэвакуирован в Москву, куда был переведен возглавляемый его отцом Институт химической физики (ИХФ) АН СССР. Из-за туберкулеза Ю.Н. Семёнов не был мобилизован и в 1943 г. поступил на только что созданный международный факультет МГУ, через год преобразованный в Институт международных отношений²⁵ (ИМО), который окончил в 1948 г. как специалист по истории международных отношений. Среди его однокурсников и друзей с соседнего курса в ИМО были В.С. Зорин, впоследствии — известный журналист-международник и телекомментатор; дипломат, позднее первый заместитель министра иностранных дел в 1971–1985 гг. А.Г. Ковалев; Г.И. Морозов, правовед,

²⁵ В настоящее время — МГИМО МИД РФ.

почетный президент Всемирной федерации ассоциаций содействия ООН; будущие академики, директор Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) АН СССР Н.Н. Иноземцев и основатель и первый директор Института США и Канады АН СССР Г.А. Арбатов. С Г.И. Морозовым и Г.А. Арбатовым Ю.Н. Семёнов в последующие годы сохранил близкие дружеские отношения.

Ю.Н. Семёнов работал в институте философии АН СССР, а затем в Институте конкретных социологических исследований АН СССР. Он занимался философией истории и философией XX в., от Освальда Шпенглера и Питирима Сорокина до Уолта Ростоу и Арнольда Тойнби, которому посвящена одна из его последних крупных работ [Семёнов, 1980]. Наиболее интересовал его вопрос о наличии и критериях социального прогресса и его связи с техническим прогрессом, чему была посвящена его докторская диссертация (1964). Кроме того, он занимался социологией искусства и проблемой массовой культуры. Среди его коллег были известные философы А.В. Гулыга, Ю.А. Замошкин, А.А. Зиновьев, Э.В. Ильенков, Э.Ю. Соловьев, социологи Б.А. Грушин, И.С. Кон, Ю.А. Левада, В.А. Ядов и др.

Круг общения Ю.Н. Семёнова отнюдь не был ограничен его профессиональными интересами, среди его друзей были историки М.Р. Тульчинский, Г.Г. Дилигенский, археолог А.Л. Монгайт, а также физики, химики, биологи и другие «естественники».

Широта интересов Ю.Н. Семёнова, а также отчасти круг знакомств его отца, ставшего с 1963 г. вице-президентом АН СССР и одновременно возглавившего Секцию химико-технологических и биологических наук Президиума Академии наук СССР, предопределила его активное участие в ряде ключевых событий, происходивших в академической жизни 1960–1970-х гг. Так, по ряду устных свидетельств (М.Б. Беркинблит, А.Ю. Семёнов), именно Ю.Н. Семёнов подал своему отцу идею написать в 1964 г. в «Правду» статью о пагубности лысенковщины (она вышла только в 1965 г. в журнале «Наука и жизнь»; см.: [Семенов, 1965]), помог найти философские аргументы, которые бы сделали ее приемлемой для партийного начальства в тех социально-политических условиях, и организовал коллег и знакомых для сбора материалов и работы над текстом (биологи М.Б. Беркинблит, С.А. Ковалёв и Л.М. Чайлахян, журналист и писатель А.А. Аграновский; подробнее об истории написания этой статьи см.: [Беркинблит и др., 1993, а также Ptushenko, 2021]). Ему же, по-видимому, принадлежала и идея написать письмо Л.И. Брежневу об опасности реабилитации Сталина, которое Н.Н. Семёнов, А.П. Александров и Ю.Б. Харитон, не предавая публичной огласке, отправили генеральному секретарю в 1965–1966 гг. [Семёнов, 1998; Александров, 2002, с. 236–238].

В какой-то момент Ю.Н. Семёнов стал интересоваться, кого избирают в Академию наук по гуманитарно-общественным дисциплинам. В частности, незадолго до рассматриваемой сессии он узнал о предстоящих выборах четырех кандидатов. Все четверо, их биографии, взгляды, моральный облик и «вклад» в науку, несовместимые с формально существовавшими в СССР требованиями к членам Академии наук, были ему хорошо известны. В то же время для основной массы академиков — не «общественников», кроме С.П. Трапезникова, остальные кандидаты были практически не известны. Было очевидно, что в таких условиях, даже «обладая гражданским мужеством» (по Арцимовичу), но не имея собственного представления о кандидатах, члены Академии могут принять на веру представления отделений и проголосуют за их избрание. Будучи знаком со многими известными физиками —

членами Академии, Ю.Н. Семёнов постарался с ними встретиться и рассказать о кандидатах. Разумеется, Ю.Н. Семёнов рассказал о своих опасениях отцу и тестю, академиком Н.Н. Семёнову и Ю.Б. Харитону. Известно также, что он разговаривал с академиками П.Л. Капицей, И.Е. Таммом, М.А. Леонтовичем, Я.Б. Зельдовичем, А.Д. Сахаровым. Весьма вероятно, что он также беседовал с академиком А.Л. Минцем, с которым они были соседями, а также с академиком В.Н. Кондратьевым и членом-корреспондентом АН СССР на тот момент А.И. Шальниковым, которые были друзьями юности Ю.Б. Харитона (все трое начинали свой научный путь в ГФТРИ А.Ф. Иоффе в начале 1920-х гг.); но вполне вероятно, что этот список не полон. Благодаря совместным усилиям перечисленных ученых, в доинтернетную эпоху распространения информации, удалось достаточно быстро оповестить академическое сообщество о готовящемся избрании не вполне академических по стилю работы партийных функционеров.

Кроме устных воспоминаний А.Ю. Семёнова, эти события также нашли отражение в книге воспоминаний М.И. Каганова (2013). Моисей Исаакович Каганов (1921–2019), физик-теоретик из школы И.М. Лифшица и Л.Д. Ландау, был другом семьи Ю.Н. Семёнова. Приведем здесь отрывок из его воспоминаний.

«Юра Семёнов был философом по профессии и по складу ума. О его профессиональной деятельности судить я не могу. Знаю, что в условиях советской идеологической несвободы он, мало сказать, чувствовал себя неудобно. Выискивал такие темы, чтобы можно было не слишком кривить душой. Хотя он был доктором наук, никогда, по-моему, не имел академических амбиций. Но к Академии наук относился с большим пиететом и интересом. Пытался, и иногда небезуспешно, влиять на выборы...

Однажды в его кампании вмешательства в выборы участвовал и я. Какой-то деятель из Института государства и права претендовал то ли на место директора, то ли на избрание академиком. По мнению Юры, кандидат был сторонником методов Вышинского, в чем убеждали цитаты из его работ (автор имеет в виду В.М. Чхиквадзе. — Прим. В.П.). Выборы в своем отделении этот деятель успешно прошел. Единственной возможностью его “завалить” было объяснить академикам на общем собрании, какую кандидатуру им предлагают утвердить. Решили, что выступить и объективно охарактеризовать кандидата лучше других может академик Михаил Александрович Леонтович. Его отношение к сталинским порядкам было хорошо известно. К тому же он пользовался большим уважением своих коллег по Академии. Юра не был знаком с Михаилом Александровичем. Мы договорились, и я в Институте физических проблем познакомил их, предварительно убедив Леонтовича, что от Юры Семёнова он получит абсолютно надежную информацию, что ему можно полностью доверять. Юра передал Леонтовичу книгу этого деятеля с отмеченными выдержками. Леонтович зачитал на общем собрании выдержки, и одиозный деятель был провален» [Каганов, 2013, с. 386].

В приведенном отрывке есть ряд неточностей, вполне понятных для воспоминаний, написанных почти полвека спустя. На самом Общем собрании АН СССР М.А. Леонтович выдержки из работ В.М. Чхиквадзе не зачитывал, но с анализом работ проваленных кандидатов выступали другие физики (о работах В.М. Чхиквадзе, в частности, говорил И.Е. Тамм). По-видимому, с полученными от Ю.Н. Семёнова

материалами М.А. Леонтович ознакомил своих коллег раньше и, скорее, в стенах Института физических проблем или какого-то другого из институтов, поскольку между собраниями отделений АН и Общим собранием оставалось чрезвычайно мало времени и возможности обсудить сложившуюся ситуацию в рамках официальных академических мероприятий (например, на заседании Отделения общей и прикладной физики или Отделения ядерной физики) до начала голосования практически не оставалось.

Такое серьезное отношение к судьбе науки, однако, не превращалось в «звериную серьезность» (по меткому выражению Н.В. Тимофеева-Ресовского). Со свойственным для физиков тех лет юмором эти события впоследствии были обыграны в одном из дружеских новогодних спектаклей, ставившихся на даче М.А. Леонтовича (личное сообщение А.М. Леонтовича). Здесь можно вспомнить, как И.Е. Тамм, близко к сердцу принимавший проблемы биологии и исключительно много сделавший для преодоления лысенковщины и связанных с нею «феноменов», пародировал О.Б. Лепешинскую на домашних капустниках, завернувшись в простыню.

* * *

Понятно, что, несмотря на относительно значительный масштаб описанных событий («на академическом уровне»), они не могли существенно помешать девальвации научных званий и науки, происходящей в СССР благодаря подобному к ним отношению со стороны власть имущих. Эта тенденция покупки научного авторитета и связанных с ним уважения и привилегий благополучно перекочевала из советской науки в современную российскую, о чем существует множество публикаций, посвященных диссертационным советам, торгующим учеными степенями, прикрывающим их высшим инстанциям, а также скандалам с избранием современных чиновников в Российскую академию наук. Однако эти события чрезвычайно важны как пример, показывающий принципиальную возможность сопротивляться очевидным нарушениям научной этики, даже если они общеприняты в данной социальной среде, а протест против них может привести к тяжелым последствиям. Не надо забывать, что акт непокорности Академии в избрании протее партийной власти, имевший место всего лишь за два года до описываемых событий, лишь чудом не привел к разгону Академии [*Афиани, Илизаров, 1999*]. Примеры гражданского мужества и небезразличия к судьбе науки, продемонстрированные участниками описываемых событий как на Общем собрании Академии наук, так и за ее стенами, дают надежду на сохранение науки как способа поиска истины, а не социальных благ и возрождение ее авторитета в обществе хотя бы в отдаленном будущем.

Источники

Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 2. Оп. 4а. Д. 117: Стенограммы заседаний Общего собрания Академии наук СССР (годового) (рабочие), 7–8 февраля 1966 г.

РАН. Ф. 2. Оп. 4а. Д. 119: Стенограммы заседаний Общего собрания Академии наук СССР (рабочие), 1–2 июля 1966 г.

РАН. Ф. 2. Оп. 7. Д. 155: Протоколы Общих собраний АН СССР (подписные), 27 июня – 2 июля 1966 г.

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5: Аппарат ЦК КПСС (1949–1991 гг.), Историческая справка к фонду [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ргани.рф/?page_id=151 (дата обращения: 01.11.2023).

Литература

Александров П.А. Академик Анатолий Петрович Александров. Прямая речь. М.: Наука, 2002. 248 с.

Афиани В.Ю., Илизаров С.С. «...Мы разгоним к чертовой матери академию наук», — заявил 11 июля 1964 г. первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущёв // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 1. С. 167–173.

Березанская В.М., Лукичёв М.А., Шаульская Н.М. Игорь Евгеньевич Тамм. К 125-летию со дня рождения. Ярославль: «РМП», 2020. 200 с.

Беркинблит М.Б., Ковалёв С.А., Чайлахян Л.М. Два месяца совместной работы с Н.Н. Семёновым // Воспоминания об академике Николае Николаевиче Семёнове / Отв. ред. А.Е. Шилов, сост. Н.В. Горбунова. М.: Наука. 1993. С. 145–150.

Вавилов С.И. Дневники, 1909–1951: В 2 кн. Кн. 2: 1920, 1935–1951. М.: Наука, 2012. 608 с. Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова Российской академии наук. Научные направления / Ред. Д.А. Новиков. М: ИПУ РАН, 2019. 312 с.

Каганов М.И. Длинная жизнь (разрозненные воспоминания). Waltham, MA, 2013. 693 с. (рукопись)

Кривоносов Ю.И. Академические выборы: два конфликта с властью с разницей в 38 лет // ИИЕТ РАН. Годичная научная конференция 2004 г. М.: Диполь-Т, 2004. С. 167–170.

Курносов А.А. Об одном из эпизодов разгрома исторической науки 1960–1970-х гг. (По материалам Центра хранения современной документации) // Вопросы образования. 2006. № 4. С. 363–390.

Медведев Р.А. Из воспоминаний об академике Сахарове // Вестник Российской академии наук. 2002. Т. 72. № 9. С. 822–836.

О принципиальности в научной работе // Партийная жизнь. 1956. № 9. С. 27–35.

Палабугин В.К. Как я стал историком // Filo Ariadne. 2019. № 4. С. 217–231 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://s.esrae.ru/filoariadne/pdf/2019/4/314.pdf> (дата обращения: 01.11.2023).

Перчёнок Ф.Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья. Исторический альманах / Ред.-сост. Н.Г. Охотин, А.Б. Рогинский. М: Прогресс, Феникс, Atheneum, 1991. № 1. С. 163–235.

Ростов А. (Сигрист С.В.) Дело четырех академиков // Память: Исторический сборник. Париж: YMCA-Press, 1981. Вып. 4. С. 469–495.

Сахаров А.Д. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе. С приложением Всеобщей декларации прав человека. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1968. 63 с.

Семёнов А.Ю. Памятные разговоры с дедом // Капица. Тамм. Семёнов. В очерках и письмах / Отв. ред. А.Ф. Андреев. М.: Вагриус, Природа, 1998. С. 567–575.

Семёнов Н.Н. Наука не терпит субъективизма // Наука и жизнь. 1965. № 4. С. 38–43, 132.

Семёнов Ю.Н. Социальная философия А. Тойнби: критический очерк // М.: Наука, 1980. 198 с.

Тилле А.А. Советский социалистический феодализм 1917–1990. 2-е изд. М.: Пробел. 2005. 259 с.

Франк И.М. Что мы хотим рассказать о Сергее Ивановиче Вавилове // Сергей Иванович Вавилов. Очерки и воспоминания. 3-е изд. / Отв. ред. И.М. Франк. М.: Наука, 1991. С. 9–65.

Цамутали А.Н. Академическое дело // Репрессированные геологи / Сост. А.И. Баженов и др. М., СПб.: МПР РФ, ВСЕГЕИ, РосГео, 1999. С. 391–395.

Чхиквадзе В. Борьба против проникновения космополитизма и других буржуазных влияний в советскую юридическую литературу // Социалистическая законность. 1949. № 5. С. 1–17

Chikvadze V. Der schädliche Einfluss von A. Vyshinskij in der sowjetischen Rechtswissenschaft Osteuropa // Recht. 1989. H. 2.

Mitrohin N. Back-Office Михаила Сулова, или Кем и как производилась идеология брежневского времени // Cahiers du monde russe: Russie — Empire russe — Union soviétique et États indépendants. 2013. Vol. 54. No. 3–4. P. 409–440. DOI: 10.4000/monderusse.7955.

Ptushenko V.V. The Pushback against State Interference in Science: How Lysenkoism Tried to Suppress Genetics and how It Was Eventually Defeated // Genetics. 2021. Vol. 219. No. 4, iyab162. DOI: 10.1093/genetics/iyab162.

The Rebellious Academy of Sciences in the Academic Elections of 1966

VASILY V. PTUSHENKO

A.N. Belozersky Institute of Physico-Chemical Biology
of M.V. Lomonosov Moscow State University,

N.M. Emanuel Institute of Biochemical Physics of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia;

e-mail: ptush@belozersky.msu.ru

The Academy of Sciences (AS) of the USSR was formally based on democratic principles, as well as most of other Soviet social and political institutions. But in fact, these principles were only declarative. In most cases, AS decisions were in line with the decisions of the authorities. To ensure the “correct” decisions of AS, there was an effective mechanism of communication between the party authorities and AS. There were only a few cases of disobedience of AS to the party and state authorities. Among the most notable episodes are the ones that took place in 1929, 1964, 1966, as well as in the years of recent history. However, while it is described in detail how AS did not elect the Lysenkoist S.I. Nuzhdin in 1964 and Marxists A.M. Deborin, N.M. Lukin and V.M. Fritsche in 1929, the events of 1966 have not been sufficiently described in the literature until now and remain poorly known to the scientific community (although they have been retained in scientific folklore at least in the form of some famous phrases).

In 1966, the Head of Science and Education Department of the Central Committee of the Communist Party of the USSR (that is, in fact, the direct supervisor of the AS from the party authorities), historian S.P. Trapeznikov, was not elected a member of AS. It is less known that three other candidates belonging to the Communist Party elite were also not elected in the same academic elections: the lawyer V.M. Chkhikvadze, the philosopher M.T. Iovchuk and the economist G.M. Sorokin. The AS President M.V. Keldysh tried to right the ship and convince the AS members participated in the AS General Meeting to discuss the failed candidates and repeat the vote. This led to a heated debate. Academicians M.A. Leontovich, I.E. Tamm, V.A. Trapeznikov and V.A. Engelhardt opposed this illegal revote; the AS Presidium member L.A. Artsimovich actually supported their suggestion, although in a very diplomatic form.

In this article, the course of the discussions is described and the main arguments used by the speakers for or against the rejected candidates are presented. The role of the philosopher Yu.N. Semenov in these events is also depicted. Actually, Yu.N. Semenov drew the attention of the academic community to the odiousness of the candidates proposed by the party authorities and provided the academic votership with an external review of their scientific work.

Keywords: Academy of Sciences of the USSR, Yu.N. Semenov, M.A. Leontovich, I.E. Tamm, V.A. Trapeznikov. L.A. Artsimovich.

Acknowledgments

The author is grateful to A.Yu. Semenov for the information about Yu.N. Semenov and his role in the events described, as well as to A.M. Leontovich for valuable details and to A.V. Vasiliev, D.A. Novikov, V.M. Berezanskaya, N.E. and M.V. Tamms for providing the photos.

References

Afiani, V.Y., Ilizarov, S.S. (1999). “My razgonim k chertovoy materi akademiyu nauk”, — zayavil 11 iyulya 1964 g. pervyy sekretar’ TsK KPSS N.S. Khrushchev [“We will break up the academy of sciences to hell”, — declared on July 11, 1964, the first Secretary of the CPSU Central Committee, N.S. Khrushchev], *Voprosy istorii yestestvoznaniya i tekhniki*, no. 1, 167–173 (in Russian).

Aleksandrov, P.A. (2002). *Akademik Anatoliy Petrovich Aleksandrov. Pryamaya rech’* [Academician Anatoly Petrovich Aleksandrov. Direct speech], Moskva: Nauka (in Russian).

Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAS). Stenogrammy zasedaniy Obshchego sobraniya Akademii nauk SSSR (godichnogo) (rabochiye). 7–8 fevralya 1966 g. [Shorthand report of the General Assembly of the Academy of Sciences of the USSR. February 7–8, 1966], f. 2, op. 4a, d. 117 (in Russian).

ARAS. Stenogrammy zasedaniy Obshchego sobraniya Akademii nauk SSSR (rabochiye). 1–2 iyulya 1966 g [Shorthand report of the General Assembly of the Academy of Sciences of the USSR. July 1–2, 1966], f. 2, op. 4a, d. 119 (in Russian).

ARAS. Protokoly Obshchikh sobranii Akademii nauk SSSR (podpisnye). 27 iyunya — 2 iyulya 1966 g. [Minutes of the General Assembly of the Academy of Sciences of the USSR. June 27 — July 2, 1966], f. 2, op. 7, d. 155, l. 43, 48, 56, 62, 75–80 (in Russian).

Berezanskaya, V.M., Lukichev, M.A., Shaulskaya, N.M. (2020). *Igor’ Evgen’evich Tamm. K 125-letiyu so dnya rozhdeniya* [Igor Evgenievich Tamm. To the 125th anniversary of his birth], Yaroslavl’: “RMP” (in Russian).

Berkinblit, M.B., Kovalev, S.A., Chaylakhian, L.M. (1993). Dva mesyatsa sovместnoy raboty s N.N. Semenovym [Two months of joint work with N.N. Semenov], in A.E. Shilov (Ed.), *Vospominaniya ob akademike Nikolaye Nikolayeviche Semenov* [Recollections about academician Nikolai Nikolaevich Semenov] (pp. 145–150), Moskva: Nauka (in Russian).

Frank, I.M. (1991). Chto my khotim rasskazat’ o Sergeye Ivanoviche Vavilove [What we want to tell about Sergey Ivanovich Vavilov], in I.M. Frank (Ed.), *Sergey Ivanovich Vavilov. Ocherki i vospominaniya* [Sergey Ivanovich Vavilov. Essays and memoirs], 3rd ed. (pp. 9–65). Moskva: Nauka (in Russian).

Kaganov, M.I. (2013). *Dlinnaya zhizn’ (razroznennyye vospominaniya)* [Long life (scattered memories)], manuscript, Waltham, MA (in Russian).

Krivososov, Yu.I. (2004). Akademicheskiye vybory: dva konflikta s vlast'yu s raznitsyey v 38 let [Academic elections: two conflicts with the authorities 38 years apart], in *IJET RAN. Godichnaya nauchnaya konferentsiya 2004 g.* [Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Science. Annual Scientific Conference 2004] (pp. 167–170), Moskva: Dipol'-T (in Russian).

Kurnosov, A.A. (2006). Ob odnom iz epizodov razgroma istoricheskoy nauki 1960–1970-kh gg. (Po materialam Tsentra khraneniya sovremennoy dokumentatsii) [About one of the episodes of the defeat of historical science in the 1960s — 1970s (Based on the materials of the Center for the Storage of Modern Documentation)], *Voprosy obrazovaniya*, no. 4, 363–390 (in Russian).

Medvedev, R.A. (2002). Iz vospominaniy ob akademike Sakharove [From memoirs about academician Sakharov], *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, 72 (9), 822–836 (in Russian).

Mitrohin, N. (2013). Back-Office Mikhaila Suslova, ili Kem i kak proizvodilas' ideologiya brezhnevskogo vremeni [Mikhail Suslov's back office: The who and how of ideological production during the Brezhnev era], *Cahiers du monde russe. Russie — Empire russe — Union soviétique et États indépendants*, 54 (3–4), 409–440. DOI: 10.4000/monderusse.7955 (in Russian).

O printsipial'nosti (1956) v nauchnoy rabote [About principles in scientific work], *Partiynaya zhizn'*, no. 9, 27–35 (in Russian).

Novikov, D.A. (Ed.). (2019). *Institut problem upravleniya im. V.A Trapeznikova Rossiyskoy akademii nauk. Nauchnyye napravleniya* [V.A. Trapeznikov Institute of Control Sciences of Russian Academy of Sciences. The prospects of research], Moskva: ISC RAS (in Russian).

Palabugin, V.K. (2019). Kak ya stal istorikom [How I became a historian], *Filo Ariadne*, no. 4, 217–231. Available at: <https://s.esrae.ru/filoariadne/pdf/2019/4/314.pdf> (date accessed: 01.11.2023) (in Russian).

Perchenok, F.F. (1991). Akademiya nauk na “velikom perelome” [Academy of Sciences at the “Great turning point”], in N.G. Okhotin, A.B. Roginsky (Eds.-comp.), *Zven'ya. Istoricheskiy al'manakh* [Links. Historical almanac], no. 1 (pp. 163–235), Moskva: Progress, Phoenix, Atheneum (in Russian).

Pushenko, V.V. (2021). The Pushback against State Interference in Science: How Lysenkoism Tried to Suppress Genetics and how It Was Eventually Defeated, *Genetics*, 219 (4), iyab162.

Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii (RGANI) [Russian State Archive of Modern History], F. 5: Apparat TsK KPSS (1949–1991 gg.) [The apparatus of the Central Committee of the CPSU (1949–1991)]. Available at: https://xn--80afqtm.xn--p1ai/?page_id=151 (date accessed: 01.11.2023) (in Russian).

Rostov, A. (Sigrist, S.V.) (1981). Delo chetyrekh akademikov [The case of four academicians], in *Pamyat': Istoricheskiy sbornik* [Memory: Historical Collection], iss. 4 (pp. 469–495), Moskva, Paris: YMCA-Press (in Russian).

Sakharov, A.D. (1968). *Razmyshleniya o progresse, mirnom sosushchestvovanii i intellektual'noy svobode. S prilozheniem Vseobshchey deklaratsii prav cheloveka* [Thoughts on Progress, Peaceful Coexistence and Intellectual Freedom], Frankfurt am Main: Posev (in Russian).

Semenov, A.Y. (1998). Pamyatnyye razgovory s dedom [Memorable conversations with my grandfather], in *Kapitsa. Tamm. Semenov. V ocherkakh i pis'makh* [Kapitsa. Tamm. Semenov. Essays and letters] (pp. 567–575), Moskva: Vagrius, Priroda (in Russian).

Semenov, N.N. (1965). Nauka ne terpit sub'yektivizma [Science does not tolerate subjectivism], *Nauka i zhizn'*, no. 4, 38–43, 132 (in Russian)

Semenov, Yu.N. (1980). *Sotsial'naya filosofiya A. Toynbi: kriticheskiy ocherk* [Social philosophy of A. Toynbee: a critical review], Moskva: Nauka (in Russian).

Tille, A.A. (2005). *Sovetskiy sotsialisticheskiy feodalizm 1917–1990* [Soviet Socialist Feudalism 1917–1990], Moskva: Probel (in Russian).

Tsamutali, A.N. (1999). Akademicheskoye delo [The case of Academy], in A.I. Bazhenov et al. (Comp.), *Repressirovannyye geologi* [Repressed geologists] (pp. 391–395), Moskva, S.-Peterburg: MPR RF, VSEGEI, RosGeo (in Russian).

Vavilov, S.I. (2012). *Dnevnik, 1909–1951* [Diary, 1909–1951], Vol. 2, Moskva: Nauka (in Russian).